

Ю.В. Болтач

**ДРЕВНЕКОРЕЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ РИТУАЛЫ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФУЦИАНСКОГО
И БУДДИЙСКОГО ИСТОРИКОВ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Среди многих вопросов, связанных с духовной культурой Кореи, значительный интерес представляет проблема реконструкции древнекорейской религии. В то время как мифы этой страны знакомы нам достаточно хорошо [1], ритуально-практическая сторона религиозных верований корейцев, насколько нам известно, изучена очень мало. Некоторый свет на эту проблему, однако, способны пролить данные, содержащиеся в «Жизнеописаниях достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (*Хэдон косын чон*, далее — ХКЧ) [2] — самом раннем сохранившемся до наших дней памятнике корейской буддийской историографии, который был создан в начале XIII в. монахом Какхуном (после 1152–1220(?), стремившимся уберечь от забвения славные деяния буддистов прошлого. Другим источником сведений по этому вопросу является официальная хроника «Исторические записи трех государств» (*Самгук саги*, далее — СС) [3], которая была составлена в 1145 г. группой ученых под руководством сановника-конфуцианца Ким Пусика (1075–1151). Крупных параллельных фрагментов в этих двух памятниках имеется только два: биографии Попкона и Побуна в ХКЧ и основные анналы Попхын-вана и Чинхын-вана в СС [4]. В этих отрывках содержится большое число совпадающих иероглифов (в среднем 33,4 % от текста ХКЧ и 27,8 % от текста СС; в некоторых фрагментах доля тождественных графем превышает 80 %). Кроме того, Ким Пусик и Какхун цитируют в этих двух отрывках одни и те же сочинения, причем с одинаковыми ошибками. Принимая во внимание эти соображения, мы можем сделать вывод, что при составлении биографий Попкона и Побуна Какхун, несомненно, опирался на те же источники, что и Ким Пусик. Это дает нам право провести текстологическое сопоставление обоих памятников. Поскольку очевидно, что расхождения между СС и ХКЧ продиктованы преимущественно несходством мировоззренческой позиции их авторов — конфуцианца и буддиста [5], сравнительный анализ данных текстов может быть полезен для выявления скрытой информации, содержа-

щейся «между строк» сочинений Какхуна и Ким Пусика. Рассмотрим с этой точки зрения отрывки, в которых говорится о ритуальной активности правителей (совпадающие фрагменты текстов подчеркнуты):

СС	ХКЧ
[На] <u>третьем году</u> [правления Попхын-вана — 516], весной, [в] начальном месяце, [государь] лично [принес] жертвы [в] святилище [местных] божеств. <u>В колодце Янсанчжон</u> явился <u>дракон</u> .	[На] <u>третьем году в колодце Янчжон</u> <u>показался дракон</u> .
[На] <u>тридцать третьем году</u> [правления Чинхын-вана — 572], весной, [в] начальном месяце, [государь] сменил девиз [на] Хончже — «Великая польза». [В] третьем месяце скончался наследник Тоннюн. [Государь] направил посла [в] Северное Ци [явиться ко] двору [и поднести] дань. Зимой, [в] <u>десятом месяце</u> , двадцатого числа, <u>в храме</u> [за] <u>пределами</u> [столицы] <u>провели</u> [церемонию] <u>пхальгванчэхве</u> <u>ради</u> [упокоения] <u>погибших</u> [в] <u>бою</u> <u>военачальников</u> [и] <u>солдат</u> . [Миновало] <u>семь дней</u> , [и собрание] <u>разошлось</u> .	[На] <u>тридцать третьем году</u> , [в] <u>десятом месяце</u> , <u>в храме</u> [за] <u>пределами</u> [столицы] <u>провели</u> [церемонию] <u>пхальгванчэхве</u> <u>ради</u> [упокоения] <u>погибших</u> [в] <u>бою</u> <u>военачальников</u> [и] <u>солдат</u> . [Миновало] <u>семь дней</u> , [и собрание] <u>разошлось</u> .

Бросается в глаза, что в первом из этих отрывков автор ХКЧ полностью элиминирует упоминание о жертвоприношении, совершенном Попхын-ваном в святилище местных божеств (синокорейск. *сингун* — букв. «божественном дворце»). Встает вопрос: зачем Какхун это делает? Очевидно, что причина не может заключаться в принципиальной нетерпимости буддийского историка к местным религиозным верованиям в целом. Подобная позиция вообще чужда буддизму, не говоря уже о том, что сам Какхун неоднократно подчеркивает свое нейтральное или даже позитивное отношение к местным духам и божествам, вводя их в качестве положительных героев на страницы своего сочинения. Так, в жизнеописании Вонгвана, одного из действующих лиц ХКЧ, неоднократно упоминается кот-оборотень — дух горы Самгисан, который помог герою биографии совершить поездку в Китай, а также девушка-дракон Восточного моря, вызвавшая по просьбе Вонгвана дождь во время засухи [6]. Следовательно, Какхун избегает упоминания об этой церемонии не потому, что она была небуддийской, а потому, что она, скорее всего, включала в себя какие-то элементы, которые могли бы быть негативно оценены корейцами XIII в. (эпохи, когда буддизм уже стал господствующей идеологией), что было несовместимо с основной задачей Какхуна — прославлением своих героев. Можно предположить, что смутившее автора ХКЧ обстоятельство состояло в том, что принесенная

Попхын-ваном жертва не была бескровной. Хотя из текста СС не явствует, в чем заключалась суть проведенной в 516 г. церемонии, мы знаем, что кровавые жертвоприношения как таковые были небезызвестны древним корейцам [7]: так, в Силла вплоть до 502 г. существовал обычай убивать десять человек на похоронах правителя [8], а обряды, предполагающие лишение жизни мелких животных, сохранились в корейском шаманизме, по свидетельствам этнографов, вплоть до наших дней [9]. Позиция же буддизма в отношении этих жертвоприношений была, судя по всему, достаточно бескомпромиссной. Не случайно уже известный нам наставник Вонгван, значительно смягчив в своих «пяти мирских заповедях» [10] безусловный буддийский запрет на убийство, все же счел нужным строго осудить убиение домашних животных (обычных объектов подобных ритуалов) [11]. Таким образом, реакция Какхуна на сообщение СС об интронизационном жертвоприношении, совершенном Попхын-ваном, позволяет нам косвенным образом реконструировать содержание этой церемонии.

Небезынтересно будет также рассмотреть вторую пару цитат из ХКЧ и СС, в которой говорится о *пхальгванчэхве* — «собрании [для соблюдения] восьмичленного поста» [12]. В ходе этого ритуала миряне принимали на короткий срок (обычно — сутки) восемь обетов: (1) не убивать, (2) не присваивать чужого, (3) не развратничать, (4) не лгать, (5) не опьяняться, (6) не умащаться благовониями, не петь и не танцевать, не смотреть и не слушать, как танцуют и поют другие, (7) не пользоваться высоким и широким седалищем или ложем, (8) не принимать пищу в неположенное время [13]. Соблюдение дисциплины поста считается в буддийской традиции мощным средством накопления благой кармы. Именно поэтому ритуал *пхальгванчэхве* со временем стал важным элементом идеологического комплекса «буддизма, охраняющего государство». За этим *пхальгванчэхве*, проведенным впервые в истории Кореи, однако, вполне могли стоять несколько иные религиозные представления. В самом деле, из текста СС мы знаем, что данный ритуал состоялся спустя несколько месяцев после смерти наследника престола Тоннюна. Связать эти два факта помогают опять-таки этнографические данные. Известно, что корейские шаманисты объясняют различные семейные несчастья (в первую очередь болезни и смерть) пагубным влиянием духов умерших родственников, которых в подобных случаях умиротворяют посредством камлания (кор. *кут*) [14]. Церемония *пхальгванчэхве*, организованная вскоре после трагедии в семье государя и имевшая целью упокоение духов мертвых, таким образом, функционально могла быть тождественна соответствующему местному обряду.

Интересно, однако, что этот ритуал был направлен не на покойных родственников правителя, а вообще на всех погибших в бою военачальников и солдат. Иными словами, перевод церемонии из шаманистского в буддийский контекст привел к расширению круга ее адресатов, что вполне закономерно, учитывая то, что древние корейские верования были ориентированы прежде всего на род и семью, в то время как буддизм, как мировая религия, не ограничивал себя подобными рамками.

Итак, проведенный нами сравнительный анализ параллельных отрывков ХКЧ и СС показывает, что:

1) на основе данных ХКЧ можно предположить, что суть упоминаемого в СС ритуала в «святилище местных божеств» заключалась в принесении в жертву животных;

2) как следует из сведений, содержащихся в записи СС под 572 г., описанная в ХКЧ буддийская церемония *пхальгванчхве* могла выступать как функциональный эквивалент местного ритуала, направленного на умиротворение душ усопших.

1. См.: *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.

2. Текст этого памятника цитируется по списку из собрания японского лекционера Асами Ринтаро, ныне хранящемуся в библиотеке университета Беркли (издание текста см.: Хэдон косын чон ёнгу. Чан Хвиок чо (Исследование «Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря». Авт. Чан Хвиок). Сеул, 1991).

3. Текст этого памятника цитируется по экземпляру, хранящемуся в СПбФ ИВ РАН (издание текста см.: *Ким Бусик.* Самкук саги. Т. 1 / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. М., 2001).

4. Ким Пусик именует этих правителей по храмовым именам (Попхын-ван и Чинхын-ван), а Какхун — по монашеским именам (Попкон и Побун).

5. Жанр официальной династийной истории, в котором работал Ким Пусик, по определению предполагает тщательную техническую проверку текста. Что касается ХКЧ, то можно считать доказанным, что число механических ошибок Какхуна при работе с первоисточниками было минимальным. Подробнее см.: *Болтач Ю.В.* Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань» // Письменные памятники Востока. № 4. СПб., 2006. С. 22–45; *Болтач Ю.В.* Биография монаха Тань-ши в «Хэдон косын чон» и «Лян гао сэн чжуань» // Письменные памятники Востока. № 6. СПб., 2007. С. 15–29.

6. См.: Хэдон косын чон ёнгу. Чан Хвиок чо (Исследование «Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря». Авт. Чан Хвиок). Приложение. С. 127–134.

7. И не только корейцам. В соседней Японии (культура которой, как известно, была весьма близка древнекорейской) приносимые в синтоистских храмах жертвы обычно включали в себя «из того, что в горах живет — с мягкой шерстью, с грубой шерстью, <...> из того, что в Равнинах Синих Морей живет — с плавником широким, с плавником узким» (цит. по: Норито. Сэме / Пер. со старояп., исслед. и коммент. Л.М. Ермаковой. М., 1991. С. 100). Как и в Корее, святилища, в которых проводились эти ритуалы, носили название «божественных дворцов» (синояп. *дзингу*:).

8. Рус. пер. сообщения СС о запрете обычая сопогребления см.: *Ким Бусик*. Самжук саги. Т. 1. С. 125.

9. Описание современного шаманского ритуала экзорцизма, сопровождавшегося принесением в жертву курицы, см.: *Kendall L. Shamans, Housewives, and Other Restless Spirits. Women in Korean Ritual Life*. Honolulu, 1985. С. 89–90.

10. «Пять мирских заповедей» составляли основу морального кодекса *хваранов* — членов молодежной организации, задачей которой была подготовка кадров высшего чиновничества. Эти заповеди («служи государю с преданностью», «служи родителям с сыновней почтительностью», «относись к друзьям с доверием», «выйдя на битву, не отступай», «убивая живое, соблюдай разборчивость») не совпадают с классическими буддийскими («не убивай», «не при-сваивай чужого», «не развратничай», «не лги», «не опьяняйся»).

11. Интересно, что типологически сходный запрет на убийство лошадей и собак, направленный против шаманистского обычая принесения в жертву животных, существовал впоследствии и в монгольском буддизме (История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи / Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г. Сазыкина. М., 1990. С. 238, примеч. 94).

12. В СС эта церемония именуется *пхальгванёнхве* — «собрание [для совершения] восьмичленных приношений».

13. О философско-психологическом обосновании дисциплины поста см.: *Васубандху*. Учение о карме / Предисл., пер. с санскр. и коммент. Е.П. Островской и В.И. Рудого. СПб., 2000. С. 87 и след.

14. О современных шаманистских воззрениях на отношения, связывающие живых и мертвых членов семьи, см.: *Kendall L. Shamans, Housewives, and Other Restless Spirits. Women in Korean Ritual Life*. С. 99–102.